

Типъ облагороженнаго дилеттанта гораздо яснѣе, чѣмъ въ Сѣровѣ, выступаетъ въ Даргомыжскомъ. Въ долгій періодъ, предшествовавшій „Русалкѣ“, Даргомыжскій стоялъ на уровнѣ дилеттанта необлагороженнаго, въ родѣ Варламова. Лишь поздно проснулось въ немъ нѣчто похожее (!) на музыку высшаго полета, и когда это случилось, онъ сталъ подъ влияніе людей, болѣе его молодыхъ, болѣе его знакомыхъ съ новѣйшею западною музыкой, несомнѣнно талантливыхъ, но по образованію такихъ же дилеттантовъ, какъ онъ самъ. Это были гг. Кюи и Балакиревъ...“ („Голосъ“, 1874, № 9). Вотъ мнѣніе консерваторіи во всей своей красотѣ, глубинѣ и премудрости! Пускай русскіе музыканты талантливы, или, пожалуй, даже, гениальны: все-таки они не что иное, какъ—дилеттанты. Ничего подобнаго консерваторіямъ и ихъ достойнымъ птенцамъ, Ларошамъ, никогда не взбрѣдетъ въ голову не только сказать, но даже подумать про всѣ тѣ сотни, тысячи ординарнѣйшихъ посредственностей и бездарностей, которыми, рядомъ съ величайшими музыкальными гениями и талантами Запада, кишитъ европейскій музыкальный рынокъ. Боже сохрани! Тѣ—настоящіе, тѣ—въ самомъ дѣлѣ музыканты, тѣ—дѣлаютъ настоящее дѣло, а вы, дескать, всѣ тамъ, въ Россіи, жалкіе дилеттанты, и больше ничего. При этомъ, то, что въ каждомъ дѣлѣ обыкновенно считается порокомъ, убылью, вредомъ, возносится здѣсь на высоту совершенства и благополучія. „Только съ учрежденіемъ консерваторіи, — говоритъ г. Ларошъ, — появляется въ Россіи музыкальный цехъ, и на этомъ цехѣ вся надежда. Не потому надежда, чтобы тамъ были замѣчательные художники—насчетъ этого мнѣнія раздѣлены, но потому, что цехъ, каковъ бы онъ ни былъ, имѣетъ твердо установленную цѣль, цѣль серьезную и практическую, что онъ принужденъ бороться, терпѣть стѣсненія и невзгоды, что въ немъ образуются, наконецъ, преганія, преганія и авторитеты...“ („Голосъ“, 1874, № 9). Цехъ, традиція, преданіе, что же это все, какъ не самый солидный консерватизмъ, самое твердое желаніе запереть челоуѣка на замокъ, потушить его самодѣятельность, разсудокъ, мысль, саморазвитіе—и превратить его въ раба, послушную и непрекословную машину? Но г. Ларошъ, вмѣстѣ со своей дорогой кормилицей, это-то и находить прелестнымъ.

Однако же, даже и „цехъ“ не вполне удовлетворялъ г. Лароша. „Школа въ наши дни переживаетъ, — горько плакался онъ, — періодъ, гдѣ самыя незыблемыя преданія ея становятся спорными пунктами. Значительная часть музыкальныхъ педагоговъ совершенно оставляютъ преподаваніе „строгаго контрапункта“ и отпра-